***

Я тебя не отдам ни другим,
Ни времени – не отдам.
На воде застынут круги,
Остановятся поезда.
Из календарей исчезнет зима,
Будет вечно май.
Только ты никогда – никогда, слышишь? –
Не исчезай!
Может быть, планеты сойдут с орбит –
Ну и пусть!
Мне бы только тебя выучить наизусть,
Мне бы только ненадолго замедлить пульс,
Мне бы только – время остановить.
Мне бы только – чтобы стрелка часов сделала
маленький шаг против самой себя,
Чтобы капли дождя, поймав солнце,
зависли, тебя слепя.
Чтоб ни в одной паутине не порвалась
ни одна нить.
Мне бы только – время остановить.
Я стану под копья всех на свете
часовых стрелок,
Только будь за моей спиной, ведь иначе – незачем.
Я покрашу погасшую половину месяца,
Напишу на ней свое единственное требование:
Мне бы только – время остановить...

ВРЕМЯ...

Было бы ты человеком – подкараулил бы тебя
в какой-нибудь темной арке
Или в ночном и безлюдном городском парке...
А если бы ты коснулось меня своей ледяной рукой,
забирая назад все дни,
Я бы сказал тебе, холодея,
Сказал бы: «Время!
Можешь быть сколь угодно жестоким со мной,
со всеми,
Но только не надо с нею,
Не надо – с нею...

К ДРУГУ

Были бы мы школьниками – мы бы сели сейчас
за парты,
Были бы студентами – из-за боли в висках
и затылке
Прогуляв пары,
Пошли бы сдавать бутылки –
Через дорогу от общежитий удивительно часто
стоит киоск стеклотары.
Или не пошли бы никуда вовсе, а просто спали,
Потому что всю ночь сидели в каком-нибудь
пустом парке,
Потому что всю ночь гуляли с гитарой,
Но мы с тобой – стали старыми...
Это солнце взойдет не для нас и сядет не для
того, чтобы мы на какой-нибудь крыше стояли
в лучах заката
И гадали, что там – за горизонтом,
за краем карты.
Это солнце взойдет не для нас, не для нас сядет,
Хоть это и будет, как тем летом,
в полдесятого –
Ты, конечно, помнишь дикие абрикосы
За лесопосадкой, в овраге, и наши посохи

Из корявых ветвей, мы спускались, опираясь ими
на корни,
И как больно
Царапал лица кустарник…
Это место тогда было нашей великой тайной,
Но сначала – моей – до того, как тебе
ее разболтал.
Был родник – а вернее, просто ручеек
Из ржавой трубы, но ее металл
Оставался ледяным даже в самый адовый
солнцепек.
Вода делала линии на наших ладонях четче,
И тогда мы остужали свои затылки и щеки
Этими ледяными ладонями,
Пока кто-нибудь
Не спускался к нам, нарушая ровный звон
комарья.
И тогда по осклизлым корням,
Цепляясь за тонкие стволы со злыми
рыжими муравьями,
Перейдя по скользкой дощечке какую-то яму,
Мы с тобой попадали назад, в тот же
душный мир.
Мы верили, что так и будем детьми,
Сколько бы ни прожили.
Разница между плохим и хорошим
Казалась такой понятной.
А потом вставала луна в серых пятнах
Это значило: нужно идти домой.
Говорили о будущем: город был безнадежно
скучной дырой.
А зимой мы ели сосульки, чтобы не пойти
в школу,
Или целый день держали в сугробе «Колу»,
И потом все-таки – не сразу, но заболели,
И почти две недели
Сидели дома.
Играли по телефону в шахматы,
Спорили о том, кто мы…
Говорили о лете, когда снова пойдем за шахту
Сидеть у ручья на каком-то прогнившем ящике,
Ловить ящериц…
Эта жизнь казалась тогда такой настоящей…

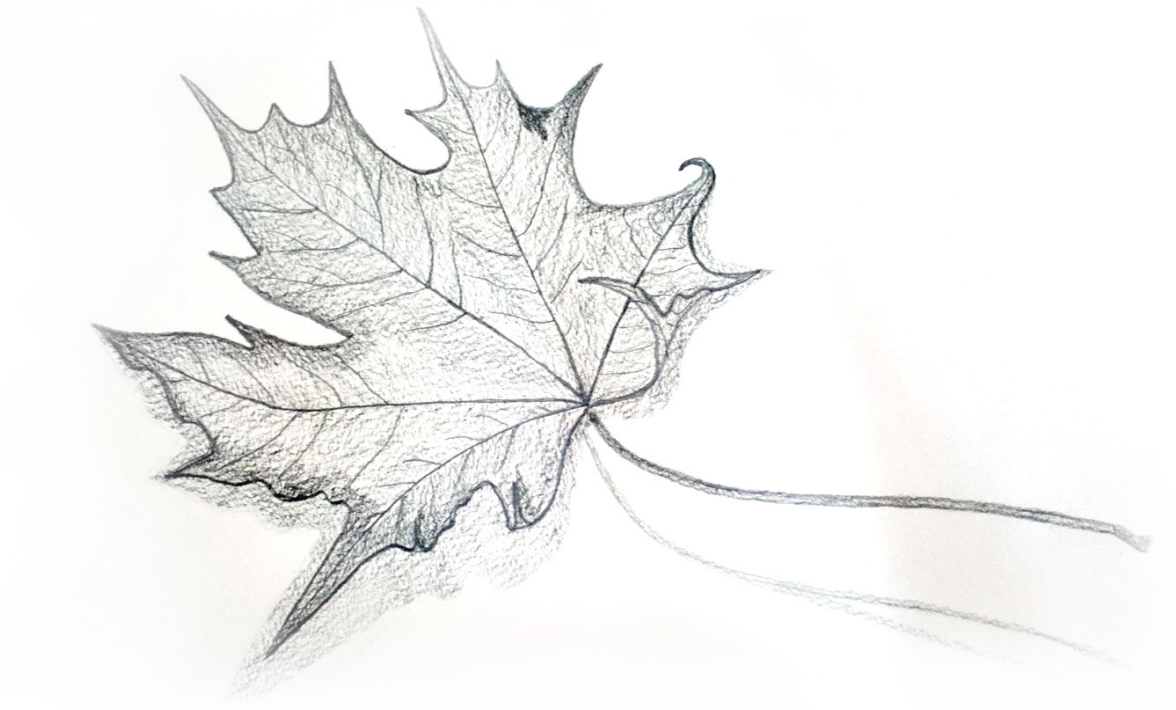
***

Жил человек.
Под этим подразумевается: подавал
все признаки жизни.
Он дышал, говорил, а потом стал седым,
как иней.
Он ходил на работу в сером костюме-тройке –
Каждый день – мимо троллейбусного депо
и застывшей стройки.
Он носил часы на истертом кожаном ремешке,
А когда ремешок оторвался – носил в руке.
Каждое утро он – еще без костюма –
в семейных трусах и майке,
Подолгу сидел на кровати, под ковром с узором
из красных маков.
А потом шел к зеркалу – убедиться, что оно
его отражает,
И что правая дужка очков действительно
стала ржавой.
Он спускался по лестнице и, пройдя по ней
пять ступенек,
Возвращался назад, бормоча под нос
«старый пень…»,
Он опять не помнил, повернул ли он ключ в двери,
Или ключ, как вчера, остался внутри.
У него был пузатый портфель
из истертой кожи,
Иногда из него выпадала пара монет или
хлебных крошек.
И однажды – Боже мой, как же это было
некстати –
Из него выпал таракан и пополз по парте.

Школа, в которой он когда-то кричал и крошил
между пальцев мел,
А теперь все больше молчал, будто онемел,
Находилась в десяти минутах ходьбы –
две автобусных остановки,
Иногда он ехал или шел пешком, когда
не болели ноги.
Он смотрел, как в витринах плывет этот
новый и странный мир,
Он хотел улыбнуться, но лицо застывало
в самой постной из своих мин.
Его серый костюм плыл поверх манекенов
магазина одежды,
И они встречали его в тех же позах, что прежде.
А однажды он, пройдя вдоль стены
в непонятных граффити,
Задержался у этой витрины, чтоб увидеть себя,
и вот – не увидел…

***

Осень – солнце, спустившееся на землю,
Обжившее кроны, распластавшееся в траве.
Будет здесь до зимы, а хотело остаться навек.
Был бы солнечный век. Солнечный –
значит осенний.

Может быть, тебе холодно здесь, солнце?
Что ты ищешь, касаясь деревьев – всех,
кроме сосен?

Ты не можешь согреть нас, а может –
тебя согреть?
Я согрею…
Соберу все опавшие листья в огромный букет
И поставлю дома у батареи. ■